

О Заратустра, сказали на это звери, для того, кто думает так же, как мы, все вещи танцуют сами по себе: все приходит, подает друг другу руки, смеется, убегает и вновь возвращается.

Все уходит, все возвращается; вечно катится Колесо Бытия. Все умирает, все вновь расцветает; вечно бежит Год Бытия.

Все разрушается, все строится вновь; вечно возводится все тот же Дом Бытия. Все разлучается и встречается вновь; вечно верным себе остается Кольцо Бытия².

Фридрих Ницше.

Так говорил Заратустра

¹ Владычество над миром (*лат.*). Идея единой верховной власти под предводительством папы, развившаяся в Средние века. (*Здесь и далее примечания переводчика, кроме специально оговоренных случаев.*)

² Перевод В. В. Рынкевича под редакцией И. В. Розовой.

ПРОЛОГ

Я не сумел бы сказать, кто — человек или зверь — более достоин своего наименования.

Большой соблазн ответить: ни один из них. Лично я не нахожу ни избытка человечности в одном, ни особого зверства в другом. Как бы добросовестно ни искал.

Единственно верный вопрос, то есть единственный, который имело бы смысл себе задать, звучит просто: а существует ли что-либо иное? Более высокий уровень сознания, идеальное существо, уж не знаю... на крайний случай я согласен даже на завалящего ангела, случись ему и впрямь оказаться у меня перед носом.

Положа руку на сердце, я не думаю, что бывает хоть что-то иное, а главное — лучшее. Придется обойтись тем, что имеем.

Единственные, с кем мне довелось иметь дело в моей короткой жизни, что с одной стороны, что с другой, так это бегуны на длинную дистанцию в том самом долгом из марафонов, какой только смогла породить ирония богов: в выживании. Жалкие ничтожные создания, вцепившиеся в свой крошечный каменистый шарик, который тупо кружится в безразличной Галактике среди миллионов других каменистых шариков. Отправьте часть их на свалку, никто даже не заметит.

В конечном счете человек или зверь — нет ни малейшей разницы.

В тот вечер, сидя по-турецки на подстилке, предохранявшей меня от песка, мало-помалу теряющего накопленное за день тепло, я разглядывал лица моих товарищей по несчастью, расположившихся вокруг огня. Хотя мы лишь изредка обменивались парой слов, наше общение было куда насыщеннее

и реальнее, чем те глупые и пустые разговоры, которые я вел с себе подобными на протяжении всей предыдущей жизни.

Лицо каждого физически отличалось от остальных, но для меня в тот вечер существовало только сходство. Все несли на себе те же отметины, нанесенные жизнью, те же стигматы усталости или старости, а главное — во взгляде каждого читалась одно и то же изнеможение. Изнеможение после долгого бессмысленного марафона, нескончаемого бега, лихорадочного и напрасного.

Выживание хреново.

Пока огонь медленно угасал и подступал момент возвращения в палатку, я откинулся назад и улегся на спину, чуть поелозив ягодицами, чтобы разровнять песок под толстой подстилкой. И на несколько минут забылся, погрузившись в созерцание звезд, пытаясь мысленно соединить светила и вообразить новые созвездия в незнакомом небе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Клермон, Франция

9 мая 2204 ПВ¹

Ч — 28:31

— Схожу еще за пивом.

Сказано — сделано, Лъето Турнэ поднялся и стал пробираться через заполненный бар, задевая кое-кого по дороге, но неуклонно приближаясь к хозяину, который собирал солдатские денежки, укрывшись за дешевой стойкой. Он заказал четыре пинты желтоватой жидкости, которую здесь продавали под видом пива, и повернулся, готовясь проложить себе обратный путь. С парой пинт в каждой руке задачка будет посложнее. Но Лъето, со своими внушительными даже для фламандского солдата габаритами, видел, что большинство клиентов непроизвольно стараются посторониться, давая ему пройти. Несколько капель все-таки пролилось на плечи разгоряченных солдат, зато ему удалось благополучно добраться до колченогого столика, где он терпеливо сидел с шести утра в компании брата Энгельберта и двух недавно встреченных парней.

Оба с квадратными челюстями, серо-голубыми глазами и рыжеватыми волосами, Лъето и Энгельберт были достаточно похожи, чтобы их родство не вызывало сомнений. Однако Энгельберт выглядел скорее долговязым и телосложением не намного крепче среднего, в то время как в Лъето было больше ста кило веса и двух метров роста. Несмотря на столь солидные размеры, молодое безмятежное лицо придавало ему симпатичный и приветливый вид.

¹ ПВ — Постоянное Время.

Маленькая и набитая до отказа таверна, на которую пал их выбор, походила на все прочие заведения, расплотившиеся как грибы у входа в космопорт с самого начала его строительства. Сидячие места им удалось найти исключительно по счастливому стечению обстоятельств: их вызвали очень рано утром, задолго до основного наплыва посетителей. В качестве бонуса к их местам прилагался роскошный вид на причальные доки — головокружительную вертикальную конструкцию из переплетений металла и бетона, заполненную сотнями тысяч ожидающих отбытия солдат. Причем все они пребывали в убийственном настроении, главным образом из-за сенсорного хаоса, в котором вынуждены были вариться вот уже несколько часов: вокруг царил водоворот звуков и запахов, где гул толпы заглушал общие объявления, скрежежущие призывы которых доносились из громкоговорителей, затерянных в самой выпшине, а душная вонь горелого машинного масла проникала аж до переполненных столовок, образуя противоестественную смесь с запахом остывшей еды. И как если бы *deus ex machina*¹, заправлявший этим безумным спектаклем, решил, что ему недостает завершающего штриха, десятки военных транспортников постоянно взлетали и садились, несмотря на явную опасность, которую представляло собой такое количество кораблей в непосредственной близости от леса балок и несущих опор военного космопорта Нахор.

Когда двумя годами раньше потребовалось определиться с местом для постройки будущего транзитного предорбитального порта, выбор района Эркери, расположенного рядом с легендарным городом Клермоном², показался авторам проекта само собой разумеющимся как с географической точки зрения, так и с символической. Близость Клермона, по общему мнению, представлялась счастливым предзнаменованием для начала этой военной кампании.

¹ Бог из машины (лат.).

² Клермон — город во Франции, где в 1095 г. прошел церковный Клермонский собор, в конце которого папа Урбан II призвал к началу Крестового похода на Иерусалим с целью освободить его от мусульман, пообещав участникам похода отпущение грехов, освобождение от налогов и т. п. Современный Клермон-Ферран.

Завершенное менее чем за двадцать месяцев в приливе энтузиазма, последовавшего за объявлением крестового похода, величественное задание возносило теперь свой трапециевидный силуэт над вершинами деревьев, покрывающих окрестные холмы, напоминая жесткостью форм о военном предназначении данного объекта.

Вереница транспортников, совершающих челночные перелеты на низкую орбиту, окружала его вершину, как рой возбужденных пчел, в то время как внутри оглушительный шум увеличивал неразбериху, и без того производимую толчеей в очередях, вибрацией при взлетах и дурманящим запахом горячего. Десятки уровней, перечеркнутых мостками, подвешенными над пустотой, хаотично переплетались в гигантской бетонной колоннаде. Все в целом неизбежно вызывало головокружение.

Мобилизованные полки получали приказы об отбытии с определенным интервалом, чтобы распределить приток персонала в транспортники, но даже при этом концентрация людей в Нахоре достигала такой плотности, что это не могло не беспокоить ответственных за переброску. Весь личный состав должен был переправиться в пространство за неделю, и никто не знал, удастся ли уложиться в срок. А глядя на это невероятное бредовое зрелище, любой разумный человек предположил бы, что нет.

Однако это было сделано.

К моменту, когда Льето Турнэ добрался до стола и умелыми движениями расставил кружки, они провели в ожидании художественно уже семь часов, надеясь услышать, как вызывают их подразделение, и исчерпали все темы для разговора со своими двумя попутчиками.

— Спасибо, солдат, но если я выпью еще хоть глоток этой дряни, то наверняка заработаю дырку в желудке! — воскликнул Олинд, один из двух мужчин, которых они встретили, явившись сюда ни свет ни заря.

Увидев их нарукавные повязки, братья поняли, что те должны присоединиться к тому же подразделению, и решили скоротать время вместе.

— Ты позволишь? — спросил его товарищ, чье имя, Дудон, значилось у него на груди, прямо у сердца. — Я парень попросе, а главное, не знаю, когда удастся выпить в следующий раз.

— Можешь не волноваться, на борту этого добра полно. Не дадут же они нам умереть от жажды за полтора года.

— На борту-то да, — вмешался Льето, делая шумный глоток, — а вот с Акией дело другое.

— Да ладно тебе, должно же найтись хоть какое-то пойло на этой паршивой планетке!

Позади них, словно для того, чтобы сделать общий уровень шума еще невыносимей, настенная панель сообщала последние новости христианского мира, выводя при этом постоянный обратный отсчет красными цифрами внизу картинки: Ч — 28:17.

...официально осудил новую атаку мятежников Пембы против папской базы Накалы; результатом атаки стало тридцать пять погибших в лагере мятежников и двенадцать раненых среди солдат регулярных сил. Экономика: посол германского императора прибыл сегодня во Флоренцию, где его ожидал епископ Ди Финокьяро, чтобы обсудить вопрос сельскохозяйственной пошлины. После этого он должен отправиться в Ватикан, где...

Энгельберт, который унесся мыслями куда-то вдаль, не отводя глаз от экрана, вернулся к действительности, пока брат настойчиво совал кружку ему в руки.

— Спасибо, — сказал он, принимая пиво.

Хотя некоторые физические черты у них с Льето были общими, Энгельберт Турнэ являлся почти прямой противоположностью своему брату. Характер у него был спокойный, уравновешенный при любых обстоятельствах, а вот моральные устои иногда граничили с суровостью. Подстриженные ровным ежиком, его темные волосы вычерчивали линию, параллельную прямым и строгим бровям, часто придававшим ему осуждающий вид. И тем не менее Льето знал, что за этой внешностью строгого блюстителя правил скрывается существо пылкое, открытое людям. А главное — его старший брат.

— ...и даже главный дед в нашей казарме, старик Викториан, которому натикало уже семьдесят шесть, попытался записаться, — рассказывал Олинд. — Одуреть можно, сколько ре-

бят ринулось в эту кампанию. Думаю, только два типчика из всего нашего полка не пошли добровольцами...

— Ты говоришь об испанцах? — прервал его Дудон, пихнув локтем. — Парочка недавно завербованных, этикие приклатнен-ные, успевшие отправить в лазарет кучу новобранцев. А в результате оба забились куда подальше, когда мы все явились на сборный пункт. Ежу понятно, что они не рискнули пойти добровольцами!

Он расхохотался во все горло, второй только возвел глаза к небу. Льето уже заметил склонность парня отпускать шуточки по любому поводу, как и то, с каким трудом его приятель эти шуточки переносит.

— И все же они отказали девяносто двум нашим парням, — продолжал тот, словно ничего не заметив. — Посмотрели бы вы, как у них морды вытянулись, когда им пришлось остаться в казарме! Уверен, что некоторые всерьез подумывали убрать втихую кое-кого из товарищей, чтобы занять их место. По правде говоря, у начальства с этой военной кампанией главная проблема была — кого выбрать.

— Что до меня, — встрял Льето с хищной улыбкой, — если бы сержант-вербовщик сказал мне «нет», думаю, я бы намотал его кишки ему же на шею... а еще думаю, он это знал!

Олинд заулыбался, продолжая задаваться вопросом, действительно ли сидящий напротив него гигант шутил.

— Тут не поспоришь, такой случай, как нынешний, подворачивается только раз в жизни, — признал он.

— Целиком согласен! — подхватил Дудон. — Уж не знаю, как давно был последний крестовый поход, но точно, что следующего вскорости не будет!

— Может, заткнешься для разнообразия, вместо того чтобы кудахтать попусту? — вскинулся Олинд. — Хуже любой кумушки!

Льето отметил про себя, что за видимостью парочки не выносящих друг друга склочников наверняка скрываются два старых друга.

— Одиннадцать веков.

Уже некоторое время Энгельберт не говорил ни слова, и сейчас, когда он ответил на слова Дудона, все повернулись к нему.

— Первый крестовый поход начался недалеко отсюда, больше одиннадцати веков назад.

Впечатлившись, Олинд восхищенно присвистнул.

Внезапно кто-то усилил звук, чтобы услышать репортаж об отправке контингента. С момента, когда началась переброска войск, тема крестовых походов стала постоянным сюжетом в ежедневных новостях. Сейчас на экране возник межпланетный корабль на низкой земной орбите. Изображение было нечетким, но внимательный наблюдатель мог заметить десятки медленно передвигавшихся вокруг корпуса крошечных точек и понять, что это челноки. А следовательно, прикинуть размеры самого корабля.

...был построен всего за пять лет, из которых два года ушли на его переоборудование под военные цели и вооружение; это потребовало привлечения более восьмидесяти тысяч квалифицированных рабочих. Он должен быть готов к отправке завтра, с миллионом мужчин и женщин на борту, чтобы в 4,36 светового года совершить перелет к планете Акия созвездия Центавра, второй планете центральной звезды альфа Центавра. Это невообразимое расстояние будет преодолено всего за полтора года благодаря технологии, разработанной для Ватикана во время подготовки первой миссионерской экспедиции, отправленной в две тысячи сто девяносто девятом году.

Именно во время этой мирной экспедиции туземцы жестоко убили наших добрых миссионеров, чем и навлекли на себя праведный гнев всего христианского мира. Эти дикари, очевидно, не поняли, что человеческая раса послала им священников исключительно по доброте душевной, а раз ее посланцы были подло убиты, то теперь аборигенам придется познакомиться с легионами крестоносцев. С этой целью «Святой Михаила», папский боевой корабль класса «Норд», был снабжен вооружением, превратившись в острие копья...

Льето хлопнул себя по ляжкам.

— Тысяча чертей, мне не терпится оказаться на борту! — воскликнул он. — Это ожидание меня доконает!

Энгельберт испепелил его взглядом:

— Сто раз тебе говорил: не смей сквернословить.

— Хорошо, старший братец, — машинально ответил Льето.

— И все же, — проворчал Дудон, — полтора года только на то, чтобы туда добраться... меня это заставило задуматься, прежде чем подписывать. А вас — нет?

— Да ладно тебе, — одернул его Олинд, — просто скажи себе, что это восемнадцать месяцев, — звучит куда лучше. И потом, на борту достаточно развлечений. Вспомни, ведь вначале его задумывали как гражданский корабль: уж поверь, там предусмотрено, чем хоть как-то развлечься во время путешествия.

— В любом случае, — подхватил Льето, — поверь, со специальной подготовкой, которую нам предстоит пройти, у тебя не останется времени скучать. К тому же из этих месяцев десять мы проведем в холодном сне. Значит, в итоге остается всего восемь.

— Точный термин «стазис», а не «холодный сон», — не удержался, чтобы не поправить, Энгельберт.

— Ладно, согласен, — ответил Дудон, обращаясь к Льето и пропустив мимо ушей замечание Энгельберта. — Я просто, когда говорил, подумал о жене и дочках. Даже если допустить, что кампания пройдет быстро и успешно, учитывая дорогу туда-обратно, мы вернемся не раньше чем года через три... Целая вечность!

— Нет, солдат, все куда хуже! — снова вмешался Энгельберт. — Ты забываешь одну деталь: относительность. При той скорости, которой мы достигнем, время для нас будет течь медленнее, чем на Земле. Значит, когда ты их увидишь, на Земле пройдет больше пяти лет...

— ...и твоя молодая жена окажется старше тебя, — не упустил возможности вставить шуточку Олинд.

— Эй, парни, — с грохотом поставив кружку, оборвал их Льето, — вы что, хотите подорвать наш боевой дух? Тут мы все в одной лодке, и никто от нас не скрывал, сколько это продлится. — Но, заметив насупленные физиономии собутыльников, добавил: — Я вам так скажу: мы и не заметим, как время пройдет. А когда вернемся, будем героями. И ух как заживем!

— Так-то оно так, но раньше времени губы не раскатывай. Мы еще не вернулись.

— Ну что за нытики!

Энгельберт задумчиво разглядывал младшего брата, пока тот залпом приканчивал пиво. В свои двадцать девять лет Льетто казался почти таким же юным, как в девятнадцать, несмотря на впечатляющую статью и несколько шрамов. Вплоть до последнего времени Энгельберт так и не смог заставить себя относиться к нему как к взрослому, к тому же он знал, что слишком часто читает брату нотации. Но мальчик давно уступил место прославленному солдату, чья отвага на поле боя более не нуждалась в доказательствах.

— Вы знаете, кто войдет в состав нашего подразделения? — спросил Олинд у братьев.

Льетто, медленно водя пальцем по краю кружки, словно это хрустальный бокал, из которого он желает извлечь чистую ноту, неторопливо ответил:

— Нет, пока что рано об этом говорить. Может, механизированная кавалерия вкупе с пехотой, но раз уж они расформировали феодальные войска, то заранее не узнать, куда и с кем мы попадем.

Олинд кивнул в знак того, что пришел к тому же мнению.

— Только надеюсь, — весело добавил Льетто, — мой будущий командир в рукопашной никому спуска не даст!

— Тебя только это и интересует, — укорил его брат.

— Что бы там ни говорили, — снова вступил Олинд, — а мне кажется глупым вот так перетряхивать войска. Когда люди остаются под личным командованием своих сеньоров, они сражаются и целенаправленнее, и эффективнее.

— Ты прав, — кивнул Энгельберт. Он вспомнил, как часто его упрекали в том, что он относится к собеседникам свысока, а потому попытался воздержаться от поучений. — Я думаю, что на самом деле Ватикан опасался, как бы слишком серьезная диспропорция в численности армий, собранных сеньорами, не поставила под угрозу хрупкое равновесие авторитетов, необходимое для успешного ведения такой кампании, как нынешняя.

Олинд, приоткрыв рот, глянул на Льетто, который приподнял бровь, как если бы пытался расшифровать ответ брата, потом увидел, как тот, громко хрюкнув, уронил голову на пле-

чо Энгельберта. Дудон прыснул, а Энгельберт покачал головой, задаваясь вопросом, за что Господь послал ему такое испытание, наградив столь пустоголовым братцем.

— Я понял твоё объяснение, — заявил Олинд. — Однако мы все знаем, что некоторые бароны получили от папы определенные поблажки, позволяющие оставить основной костяк своих войск под своим же командованием...

В этот момент из всех громкоговорителей донеслось общее объявление, произнесенное бесцветным женским голосом:

Полк М тысяча триста девяносто шесть, подразделения с семидеятого по семьдесят девятое, немедленная погрузка в доке семьсот восемь.

— Это же мы! — воскликнул Дудон.

Льето мгновенно оказался на ногах:

— Наконец-то!

Все четверо выскочили из таверны и торопливо направились к указанному причалу. Нагруженные тяжелым багажом, они обильно потели, взбираясь по бесконечным пролетам в перегретой толпами атмосфере. Солдаты, в ожидании сгрудившиеся на переходах и лестницах, ворча, расступались, освобождая им дорогу. И все равно с лица Льето не сходила широкая улыбка, которой он приветствовал объявление о посадке их подразделения. Наконец-то он своими глазами увидит тот пресловутый военный колосс, во всех отношениях наипривосходнейший корабль: «Святой Михаил». А главное, его не покидала мысль, что едва он окажется на борту, как по-настоящему начнется крестовый поход — главное приключение всей его жизни.

Они несколько раз путались в лабиринте ведущих к причалам переходов, и дважды им пришлось возвращаться назад, к великому огорчению тяжело пыхтящего Дудона. Опоздав на немало минут, они наконец пристроились к очереди из солдат, ожидающих регистрации перед МТА — межорбитальным транспортным аппаратом; большая баржа грязно-серого цвета могла вместить сто двадцать восемь человек, не считая летного экипажа. Ее корпус, сравнительно простых очертаний, представлял собой огромное вздутое брюхо, снабженное четырьмя магнитными отталкивателями, служившими для маневров на

поверхности, а сзади — двумя пульсационными реакторами, собственно и выводящими аппарат на орбиту.

Солдаты один за другим проходили регистрацию, и очередь медленно продвигалась. Их посадочный трап располагался выше других, чем Энгельберт и воспользовался, чтобы с интересом оглядеться вокруг. Многие другие МТА загружали своих пассажиров с этого же терминала. Большинство солдат казались веселыми и расслабленными, некоторые перекликались от одной очереди к другой или посылали приветственные знаки своим семьям, пришедшим их проводить. Часто чья-то жена или сын пробирались через защитные барьеры, чтобы в последний раз поцеловать мужа или отца под снисходительными взглядами охраны, которая затем вежливо загоняла их обратно. Энгельберт подумал, что легкомысленное настроение этих людей скорее наводит на мысль об отъезде в отпуск, чем об отправке на войну.

Переведя взгляд чуть дальше, он заметил другую очередь, куда менее оживленную, чем остальные. Контраст просто бросался в глаза. Там мужчины с мрачными лицами поднимались по пандусу, тяжело волоча ноги. Их пришедшие попрощаться семьи выказывали скорее отчаяние, чем беспечную веселость; кстати, их держали за заградительной лентой и не допускали никаких нарушений порядка. И в довершение всего офицеры, надзирающие за этой очередью, были нарочито вооружены.

Большинство солдат не обращали никакого внимания на это печальное зрелище, но Энгельберт слишком хорошо знал, о чем речь. Эти люди были *бесшипники* — эвфемизм, который использовали для обозначения мобилизованных насильно, которых принудительно набирали в самых неимущих слоях населения или среди студентов, по большей части антимилитаристов и вообще не очень склонных записываться добровольцами. Их использовали для выполнения работ, за которые не взялся бы ни один уважающий себя солдат, или же, напротив, для тех весьма специальных видов деятельности, где без нужного количества профессионалов было не обойтись.

Энгельберта всегда глубоко смущало это злоупотребление силой ради латания дыр в личном составе, но ему было прекрасно известно, что, когда доходит до дела, нужда свой закон пишет.

— Интересно, как нас расквартируют? — спросил Льето, прервав размышления брата.

Тот рассеянно ответил, не отводя глаз от зрелища внизу:

— Полагаю, как всегда: тесно и неудобно.

Когда наконец подошла их очередь, разводящий протянул им контрольную панель для идентификации. Они по очереди провели своими персональными месседжерами над портативным экраном, тот высветил их личные данные, а им переправил приказ о назначении. После этого они смогли подняться на корабль и устроиться в немногих пока свободных креслах. Места шли в четыре ряда, каждая пара располагалась лицом друг к другу. Толстые металлические предохранительные штанги соединяли подлокотники с изголовьями сидений, а страховочные ремни были вмонтированы непосредственно в кресла.

Как только все пассажиры пристегнулись, дежурные офицеры быстро закрыли дверцы и постучали в стену кабины пилота, подавая знак, что можно взлетать, как если бы речь шла о простом грузовике. Отталкиватели заработали, и транспортник закачался, приподнимаясь над ложементом, на котором покоился прежде. Использование магнитных полей вместо реакторов для выхода из порта и набора первых пятисот метров высоты позволяло не убирать причальные пандусы при каждом взлете, поддерживая тем самым определенный темп погрузки. Пока, высвобождаясь, их МТА кренился вбок, Льето заметил в иллюминатор, что на их место уже выдвигалось следующее подразделение.

Затем аппарат поднялся к полой вершине порта и прошел через рой челноков, постоянно снующих на подступах к Нахору. Энгельберт обратил внимание на свист в ушах — признак того, что кабину только что загерметизировали. Гудение отталкивателей вкупе с качкой вызывали довольно неприятные ощущения, и некоторых начало подташнивать. Но как только первые пятьсот метров высоты были набраны, включились реакторы, и сильный толчок, полученный аппаратом, приковал всех к креслам. Дудон изо всех сил стиснул зубы, опасаясь, как бы ужасная вибрация, через которую они проходили, не бросила их вниз. Люди полностью сосредоточились на собственном дыхании — настолько трудной задачей вдруг стал этот

простой рефлекс при таком ускорении. Только у одного хватило сил, чтобы испустить радостное «ура!», — у Лыто.

Облака за иллюминаторами мелькали так быстро, что возникал эффект стробоскопа. Потом голубое небо сменилось серым, чтобы через несколько минут превратиться в чернильную черноту.

* * *

Ч — 27:44

«Проходите! Давайте проходите!» — орал один из стражников, знаком заставляя нас поторопиться. А ведь он прекрасно видел, что цепочка бесшипников продвигается в собственном ритме. Кричать на людей было бесполезно. Наверно, невольно я злобно глянул на него, потому что он задержал на мне пристальный взгляд. Я тут же отвел глаза. В последний раз я чуть не нарвался на разряд оглушителя Т-фарад.

К несчастью, краем глаза я увидел, что он подходит ко мне, поигрывая дубинкой. Я опустил подбородок, скрывая, как дернулся мой кадык, когда я сглотнул. Я категорически не желал доставить гадине вроде него удовлетворение тем, что он способен простым взглядом запугать насильно мобилизованных.

— Альберик... Вильжюст, — прочел он на бейдж, прикрепленном к моей рубашке. — Ну и дурацкое имечко!

Даже если бы у молодчика не было разрешения бить бесшипников, ни перед кем потом не отчитываясь, я все равно не знал бы, что ответить на такое бессмысленное замечание.

— Желаете получить маленький разряд, Вильжюст? — спросил он, приблизив свою пасть прямо к моему лицу.

— Нет!

Я старался не дышать носом, чтобы не так чувствовать тяжелый запах из его рта.

— Тогда лучше бы тебе пялиться на свои башмаки, а не на парня с оглушителем.

— Да! Мне очень жаль.

— Еще бы не жаль! А будет куда жальче, если вылупишься еще раз.

Ну и вонючка!

Проблема таких сцен в том, что они происходят буквально в несколько секунд, а мне потом требуется много часов — а то и дней, — чтобы побороть гнев, вызванный унижением. И я знал, что до окончания этой кампании мне предстоит пережить еще немало подобных сцен.

Вместе с группой других насильно мобилизованных я пробыл в Нахоре только двадцать четыре часа и уже жалел, что позволил себя рекрутировать.

Мой приказ об отправке пришел всего несколько недель назад, и, хотя я предполагал, что этот день настанет, я испытал настоящий шок. Когда меня призвали в армию крестоносцев, я долго колебался, не сбежать ли, как многие из моих друзей, в Центральную Африку, где христианское владычество еще не так укрепилось и я на некоторое время оказался бы вне досягаемости для репрессий. Но в конце концов официальное обещание после окончания крестового похода вернуть на Землю всех бесшипников, кто этого пожелает, и предоставить им безоговорочную свободу перевесило чашу весов в пользу армии. Лучше уж, сжав зубы, потерять три или четыре года, чем находиться в бегах всю оставшуюся жизнь.

Но теперь, когда принятое решение приобретало конкретную форму и я имел возможность составить представление о военных, которые нас окружали, и о том презрении, которое они к нам испытывали, я уже не был так уверен, что выдержу несколько лет в рядах армии.

Думай о Гийеметте и об отце.

Это единственный способ не сломаться: не забывать, *ради кого* я это делаю.

Когда перевозивший всех насильно мобилизованных в Нахор транспортник муниципальных войск остановился перед отделением полиции Вернона, папа крепко прижал меня к себе, а Гийеметта, моя сестра, разрыдалась. В свои неполные семнадцать лет она только и искала, как бы со мной поцапаться, но в глубине души очень меня любила. Я все же был ее старшим братом. А в придачу еще и единственной надеждой семьи на будущее.

Такое заявление звучит довольно претенциозно. Однако это чистая правда.

Пока я был маленьким, папе удалось отложить достаточно денег, чтобы записать меня на парижский факультет биоинформатики. Это было большой жертвой, потому что, помимо расходов на такого рода обучение, я еще и должен был уйти с работы, чтобы переместить свою задницу на университетскую скамью. А значит, я больше не приносил денег в семью, зато дорого ей обходился.

Поскольку это современное направление почтенной науки информатики могло изучаться только с пультов биоСтрукта, закупка учебного оборудования полностью поглощала наши скудные семейные накопления. На протяжении долгих лет учебы мне часто становилось очень стыдно при мысли о том, какую нищенскую жизнь ведут отец и сестра, пока я тут отрываюсь за пультом сверхсовременных машин.

Но хотя от людей вроде нас это требовало значительных финансовых усилий, оно того стоило. Получаемое мной образование после его завершения в принципе должно было гарантировать должность узкого специалиста высшей квалификации в промышленности или даже в армии — но уже не как насильно мобилизованного — и обеспечить таким образом достойный доход для всей семьи. Не стоит забывать, что к тому моменту папа будет уже слишком стар, чтобы работать.

Извещение о призыве в крестовый поход пришло полтора года назад, почти в сочельник. На тот момент до получения диплома мне оставался еще год, поэтому меня сочли годным к моменту отправки весной 2204-го. Вообще-то, прогнозисты утверждали, что эта кампания продлится не больше трех-четырёх лет Относительного Времени, включая возвращение, а значит, меня не будет на Земле около пяти-шести лет.

Когда я вернусь, папе стукнет чуть больше шестидесяти пяти, и, вероятно, ему предстоит работать лет пять-шесть, пока я не найду постоянную должность в какой-нибудь серьезной компании. Если все пройдет хорошо, это принудительное рекрутирование не станет катастрофой для семьи. Вот почему скрепя сердце я подчинился мобилизации, а не сбежал за границу.

И наконец, если уж быть совсем честным, все эти соображения, конечно, сыграли свою роль в принятии окончательного решения, но не они были определяющими. Меня убедил *Некто*.

Совершеннейший незнакомец.

Я никогда никому не признавался, но я и впрямь едва не уехал в Центральную Африку. Раздобыв адрес проводника, я отправился в одно из тех пользующихся дурной славой местечек, которые во множестве расплодились в окрестностях Эврё. Приготовившись выплатить задаток, я взял с собой левую кредитку, на которой лежали заработанные по-черному деньги, и больше всего боялся, что домой вернусь ограбленным, а не с названием корабля и датой. Все дорогу меня мучил стыд. Я брошу Гийеметту и папу. Я оказался слишком труслив, чтобы пожертвовать частью своей жизни — то есть сделать то, что мой отец сделал для меня!

И вот, пока я бродил под проливным дождем по бидонвиям Эврё, заблудившись, несмотря на полученные точные инструкции, и безуспешно пытаюсь сориентироваться в путанице ржавых железных листов и гнилых досок, оскальзываясь в грязи и остерегаясь использовать месседжер, который мог бы выдать меня в случае проверки, заворачивая за угол очередной халупы, я чуть было не столкнулся с кем-то. Человек замер, пока я рефлексивно балансировал на одной ноге, чтобы не врезаться в него. К несчастью, мокрая грязь, покрывающая землю, не способствовала сохранению равновесия, и я почувствовал, что если не вцеплюсь во что-нибудь, то рухну плашмя. Поэтому моя рука взметнулась, пытаюсь ухватиться за воротник пальто незнакомца в надежде удержаться.

Не знаю в точности, что произошло затем, но, к своему великому удивлению, рука встретила лишь пустоту. Или же из-за заливающего глаза частого дождя я неверно определил, где находится его воротник, или же этот тип просто отступил в сторону, увернувшись; так или иначе, увлекаемый собственным весом, я завершил свой смехотворный пируэт, шлепнувшись в грязь.

Весь пунцовый, я поспешно поднялся. Человек даже не шевельнулся, чтобы мне помочь.

Передо мной стоял мужчина не первой молодости в простом белом пальто и шляпе в стиле галеро¹, какие уже давно не носят. Я подметил эту деталь, потому что отец когда-то носил

¹ *Галеро* — большая плоская шляпа с полями по модели головного убора кардиналов. Часть традиционного мужского костюма в Бретани.

такую же в память о своей военной службе, которую проходил в Бретани. Кстати, потертое пальто тоже могло бы принадлежать ему. Полагаю, что именно это отдаленное сходство и побудило меня задержаться, вместо того чтобы сразу пойти своей дорогой.

Я пробормотал какие-то извинения и спросил, все ли с ним в порядке. Пусть даже я не ощутил соприкосновения, у меня не было уверенности, что я его не толкнул. Станным беззвучным голосом мужчина ответил, что с ним все хорошо, а вот со мной вроде бы нет. Чувствуя, что впадаю в полное замешательство, я начал придумывать какое-то фантастическое объяснение моему присутствию в подобном месте, сам понимая, как мало доверия вызывают мои слова. Если этот тип из полиции, я пропал. Я едва осмеливался на него смотреть.

Однако незнакомец продолжал со мной говорить, и в конце концов его необычный голос меня успокоил. Пусть я так толком и не объяснил, зачем здесь оказался, не требовалось особой догадливости, чтобы понять, что именно привело меня сюда. Я был не первым и не последним. Сочувствуя моей растерянности, он поднес два пальца к полям шляпы и собрался откланяться. Уходя, он тем не менее задал мне странный вопрос: *Вы уже спрашивали себя, в чем смысл вашей жизни?*

Я застыл на месте, глядя, как он удаляется, а потом исчезает за углом улочки.

Смысл моей жизни...

Конечно, я мог покинуть эту страну, обустроиться где-то за границей, чтобы избежать мобилизации, подождать, пока все не уляжется, а потом, через несколько лет, попытаться вернуться по подложным документам. Но что я буду делать все эти годы? Кое-как перебиваться. Тянуть время...

Внезапно я понял, до какой степени был глуп. Я рисковал не только тем, что никогда больше не увижу семью, покину их навсегда, но еще и тем, что никогда больше не сяду за пульт! *А я ведь создан для биоинформатики.* Бессмысленно прятать голову в песок. Я действительно *создан* для этого. В этом заключалась вся моя жизнь студента, и в этом же, только в большей степени, она будет заключаться и позже. Представить себе хоть на мгновение, что я буду лишен этого до конца дней,